

A decorative border of stylized flowers and leaves in shades of gray, framing the top and sides of the page. The flowers are of various sizes and styles, some resembling hibiscus or similar large-petaled blooms.

Евгения
Степова

ЧИТАЙТЕ КНИГИ ЕВГЕНИИ ПЕРОВОЙ:

Я все равно тебя дождусь!
Другая женщина
Друг детства
Созданные для любви
Потому что люблю тебя
Индийское лето
Ловушка для бабочек
Нет рецепта для любви
Только ты одна
Все у нас получится!
Мужчины, которых мы выбираем
Кафе «Поющий енот»

Круги по воде:
Книга первая «К другому берегу»
Книга вторая «Против течения»
Книга третья «Омуты и отмели»
Книга четвертая «Темные воды»

Евгения Перова
КАФЕ
«ПОЮЩИЙ ЕНОТ»

Москва
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П27

Художественное оформление серии *Г. Ганжи*

Редактор серии *В. Горюнова*

Книга публикуется в авторской редакции

В оформлении обложки использована фотография:

© gostua / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Перова, Евгения Георгиевна.

П27 Кафе «Поющий енот» : роман / Евгения Перова. —
Москва : Эксмо, 2022. — 256 с.

ISBN 978-5-04-165759-8

Юная девушка Иоланда ищет себя, свое место в мире и даже не смеет мечтать о любви — ее она воспринимает как полет на Луну. Настолько далекой ей кажется возможность полюбить кого-то взаимно. Она не вписывается в привычные рамки и чувствует себя на обочине жизни, пока однажды из окна квартиры не замечает строительство кафе, которое совсем скоро наполнится удивительными людьми и станет ее вторым домом, где она научится быть собой.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-165759-8

© Перова Е., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

*Кате, умеющей летать
и рассказавшей мне
о кофейном волшебстве*

Только не спрашивайте,
где и когда это произошло!
Какая вам разница?
Главное — что именно произошло.
И с кем. Может быть, с вами?

ПРОЛОГ

На маленькой кухне сидели двое мужчин: один постарше, другой помоложе. Тот, что постарше, был очень светлым — не то седые, не то белокурые волосы, белесые брови и ресницы, бледная кожа. Тот, что помоложе, выглядел по-мальчишески: худощавый, живой, с шапкой растрепанных темных волос. Он был ярче Светлого, но при этом как бы слегка просвечивал и переливался, напоминая мираж.

— Дамы, как всегда, опаздывают, — меланхолично заметил Светлый.

— Дамам положено! — ответил Яркий.

— Вот именно, — произнес грудной женский голос, и в кухне появилась седовласая дама, тоже полупрозрачная и переливающаяся

ся. Мужчины поднялись, приветствуя ее, она царственно махнула рукой:

— Давайте без церемоний! Ну что, начнем? — сказала дама.

Троица уселась вокруг кухонного стола, на котором горела одинокая свеча, и взялась за руки...

Часть 1

ИОЛАНДА. ФЕЯ ВАРЕНЬЯ

«Здравствуйте, меня зовут Иоланда. Мне уже двадцать лет, а я еще ничего не добила — ни в жизни, ни в любви», — думаю, выступи я с таким заявлением в Клубе анонимных неудачников, сорвала бы аплодисменты. Но клуба такого нет, к сожалению. А зря! Потому что я действительно неудачница. И меня на самом деле зовут Иоланда. Это имечко придумал мой незабвенный папочка. Откуда он его выкопал, интересно?

Иоланда Викентьевна — красиво, конечно. Но очень уж изысканно. Иоланда, Йолка, Ёлка, Ёлочка. Но Ёлочкой меня называл только папа. Для мамы я всегда была Леной. И в школе тоже, а то бы задразнили. Я вполне могла бы поменять имя, получая паспорт, но решила сохранить как единственное папочкино наследство: он умер, когда мне не было и пяти. Вышел за

сигаретами и не вернулся. Попал под машину. Долго не могла ему этого простить.

Мне страшно жаль, что я так мало помню свое раннее детство! Папа ушел и словно унес с собой весь свет и тепло, так что пришлось мне жить в сумерках и на вечном сквозняке. Наверно, именно тогда я и стала невидимой. Угрюмый, нелюдимый ребенок, старающийся занимать как можно меньше места в пространстве и не привлекать внимания окружающих. Конечно, все меня прекрасно видели, просто не обращали внимания. Все — это мама, ее постоянно сменяющиеся мужья, мои учителя и одноклассники. Я никого не интересовала, училась кое-как, взалхлеб читала книжки и вообразила себя Золушкой в ожидании Феи, которая так до сих пор и не явилась. Но я стараюсь не терять надежды. Не так уж много у меня надежд, чтобы разбрасываться ими направо и налево.

Когда мне исполнилось восемнадцать, мама посчитала свой родительский долг выполненным и с легким сердцем упорхнула за океан — в компании моего третьего отчима и сводного брата. Я осталась одна и не слишком горевала

по этому поводу: никакого взаимопонимания у нас с мамой никогда не было, с отчимом тем более, а сводный брат меня вообще терпеть не мог. Правда, мама попыталась напоследок поговорить со мной по душам, но ничего хорошего из этого не вышло: я просто не стала слушать.

Что делать со своей жизнью, я не знала. Высшее образование мне не грозило: я и школу-то закончила еле-еле. А все потому, что чудовищно застенчива. Отвечать у доски, да и вообще разговаривать с людьми, — для меня мука смертная. Но письменные работы я всегда писала на «отлично». Добрые учителя старались не вызывать меня лишней раз, а остальные, коих было большинство, не вникали в мои переживания, и мне приходилось на потеху всему классу топтаться у доски, выдавливая из себя косноязычные фразы.

С работой тоже возникли проблемы. Сначала мне повезло: сразу после школы я устроилась в библиотеку, где продержалась полтора года. Со стыдом вспоминаю свой первый день: я так стеснялась, что почти все время просидела, уткнувшись в какой-то журнал. Но заведу-

ющая Лидия Матвеевна, одинокая старая дама, быстро меня раскусила и принялась опекать. Она подкармливала меня и потихоньку учила жизни, а я впервые осознала, что меня, оказывается, можно любить! Ни за что, просто так! Конечно, я из кожи вон лезла, стараясь показать, какая я хорошая. Но потом Лидию Матвеевну отправили на пенсию, а библиотеку закрыли. Читателей у нас и в самом деле было негусто. Еще год я прожила, ухаживая за Лидией Матвеевной — она совсем обезножела. За это время я сменила десяток работ, ни одна из которых мне не подходила — кассир, курьер, подсобный рабочий, уборщица. Везде хочешь не хочешь, а приходилось общаться с людьми. Я, конечно, немного нарастила шкурку, но и царапин на ней прибавилось.

А потом Лидия Матвеевна умерла, и я снова осталась совсем одна. Но не сразу: мне пришлось забрать ее кота, так что месяца два я радовалась его обществу. Кота звали Мальчик — толстый, белый, пушистый, желтоглазый, он был больше похож на какого-нибудь йети. Мы старались утешать друг друга, а иной раз и плакали вместе: Мальчик очень страдал без своей

хозяйки, да еще оказался на старости лет в новом месте. И в один совсем не прекрасный день, придя с работы, обнаружила его мертвое тельце — прямо в прихожей у двери, где он обычно меня встречал. Как я плакала! Я тайно похоронила его рядом с Лидией Матвеевной — они оба хотели бы этого, я знаю. Предаваясь горю, я забыла про работу, и меня уволили. Какое-то время я продержалась по привычке. Привычка жить иногда заменяет смысл жизни. Может, оно и к лучшему.

И вот я сидела без работы уже пять недель. Это еще хорошо, что было где сидеть: мама с отчимом напоследок купили мне крошечную однокомнатную квартиру в старом доме. Квартира угловая, но зато с высокими потолками и эркером. Мебели у меня практически не было: только огромный гардероб с зеркалом и большая двуспальная кровать, которые остались от прежней владелицы и не понадобились наследникам.

Деньги постепенно подошли к концу, так что питалась я в основном чаем с хлебом. Из дома не выходила, все время проводила на своем лежбище, закутавшись в шаль Лидии

Матвеевны, и читала. Связанная крючком из разноцветных квадратов шаль, чайная чашка, расписанная нарциссами, и куча книжек — это все, что досталось мне в наследство. Да я вообще ни на что не претендовала, хотя родственники Лидии Матвеевны и подозревали меня в корыстных намерениях.

Устав читать, я уходила в эркер, залезала на подоконник и смотрела в окно. Ничего особенного там не происходило. С высоты пятого этажа я видела свой двор с детской площадкой, не слишком широкую улицу с машинами, светофорами и пешеходами и два длинных дома напротив, между которыми притулился совсем маленький одноэтажный домик, в котором на моей памяти чего только не было: булочная, кулинария, овощной магазин, салон связи, зал игровых автоматов, цветочная лавка...

В последнее время домик пустовал, но недавно вокруг него стала разворачиваться строительная суэта: похоже, появился новый владелец или арендатор. Крышу перекрасили в шоколадный цвет, а стены — в песочный, и я сразу подумала, что там, наверно, будет кофейня. Я так увлеклась наблюдениями за

домиком, что постепенно вычислила хозяина: мужчина лет сорока, с бритой налысо головой. Я не очень понимаю такую моду, но ему идет. Еще одним постоянным участником суеты был маленький восточный человек, кореец или японец. Внешний ремонт закончился, хозяйственная деятельность переместилась внутрь, наблюдать стало не за чем, и на меня снова навалилась тоска, да такая сильная, что я не могла спать — сидела, обхватив руками колени, и подвывала от душевной боли.

Со сном у меня и раньше были проблемы. Бессонница — это когда не можешь заснуть. А когда не хочешь? Когда тянешь время изо всех сил, растягиваешь, как тянучку, длишь и длишь — потому что с этим днем уже все понятно и ничего нового не будет, он катится по инерции. И хотя вообще-то наступило «завтра», ты упорно цепляешься за это безопасное «сегодня», которое на самом деле уже «вчера»: еще немножко, еще чуть-чуть! Замереть, затаиться в этой узкой ночной щели между «вчера» и «завтра», спрятаться от грядущего, неведомого и опасного... Эти секунды принадлежат тебе и только тебе — потому что весь мир спит,